

Мария ФОМАЛЬГАУТ ВИОЛОНЧУШЬ

18+

@ЭЛИТА

Мария Фомальгаут

Виолончушь (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12195691
Виолончушь (сборник): Аэлима; 2015*

Аннотация

В книге оживают детские мечты. Те, про которые мы забыли. Те, в которых мы боялись признаться даже самим себе. Те, которые затерялись с годами где-то там, там, там...

Мы думали, что они потеряны навсегда.

А они вернутся. Вернутся, позовут в те далекие края, в которых мы так и не побывали. Вернутся, унесут в туманные выси, в которые мы так и не поднялись.

Космос ждёт.

Ждут так и не прочитанные книги.

Ждут ожившие ночные страхи.

Ждут подарки, так и не принесённые Дедом Морозом.

Ждут пропавшие цивилизации.

Ждёт Снежок на той стороне реки...

Содержание

Ричард Львиное Сердце	5
Завтра будем в Лондоне	14
Шолади-долаши-дошали-лодаши	22
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Мария Фомальгаут

Виолончушь (сборник)

© ЭИ «@элита» 2015

* * *

Ричард Львиное Сердце

– А ты никому не скажешь?

– Не скажу.

– Поклянись.

– Клянусь.

– Клянись смертью матери.

– Клянусь.

– Я его сама придумала... когда с мамой поссорилась...

– И чего?

– А потом помирилась... а он не пропал.

– И чего?

– Так и остался. Он ко мне каждую ночь приходит.

– И чего?

– Ты чего, дура, что ли, он меня вообще убьёт! Я его придумала... когда маму ненавидела... а он...

– Это кто сделал? Это кто это такое сделал, а? Усы повыдергаю!

Ричард Львиное Сердце прячется под диван, ага, доберёшься ты до моих усов, как же, щ-щас. Поводит усами – что там большой орёт, делать, что ли, больше нечего, орать...

– Ну, он же не нарочно!

– Ага, не нарочно! Я его пришибу щас не нарочно, будет знать...

Большой садится на диван, жалобно скрипят пружины, Ричард Львиное Сердце храбро впивается Большому в ногу, вот так, что есть силы. Ага, взвыл, а-а-а-а, чёртова скотина, а-а-аа, чтобы духу его здесь не было...

Маленькая вытирает что-то посреди комнаты, большая её отгоняет, да давай я... О-ох, горюшко ты моё, вот тебе и ма-а-ам, почему у нас нет ни коо-о-ошечки, ни собаа-а-чки...

Ричард Львиное Сердце обходит свои владения. Прогоняет непрошенных гостей, нет их что-то, непрошенных гостей, ну еще бы, откуда им взяться, здесь же Ричард, его величество, английский монарх. Ловит лапой в окне полную луну, луна не ловится, катится себе и катится над крышами...

– Даночка, спать пора!

– Ну, сейча-а-а-с! Ну, еще мину-у-уточку...

Маленькая сидит перед экраном, там бегают черные мухи, Ричард Львиное Сердце ловит их лапами.

– Даночка!

– Ну, сейча-а-ас! Ты смотри, Ричард, тут про тебя написано, ты у нас Кипр брал...

Ричард распушает хвост, было, было, что было, то прошло. Я еще и на Иерусалим войной ходил...

– Дана! Спать сейчас же, завтра опять будешь как муха сонная в школе!

Дана закрывает ноутбук, вот, блин, глаза бы Даны на школу эту проклятушую не глядели. Ричард Львиное Сердце

клубком сворачивается на подушке, Большой ворчит, а-а-а, опять блох своих принёс. И откуда у Ричарда блохи, Ричард же королевских кровей...

Дана смотрит в темноту ночи, Дана боится. Дана уже знает, что придет он, тёмный, страшный, он всегда приходит. Дана его сама выдумала, когда с мамой поссорилась, а потом он не пропал, так и остался, теперь приходит, сидит там, в углу, ждёт чего-то, вот это страшно, что ничего не делает, свернулся кольцами, ждёт. Когда зайдет луна, он подкрадываться начнет, медленно, верно, шажочек за шажочком, да он не шагает, как-то над полом парит, ближе, ближе, и хочется закричать, и не закричишь, на помощь не позовешь, мать только отмахнется, а-а, сама не спишь, другим не даешь...

Ричард поднимает голову, топорщит уши. Тёмный подбегает, ближе, ближе, извивается тугими кольцами. Ричард Львиное Сердце шипит, рычит, ашш-ш, ар-рр, как тогда на Рыжего шипел, а нечего во двор шастать, Ричардов двор, а не Рыжего...

Что-то тёмное отступает, выпускает раздвоенный язык, шипит, фыркает, аш-ш, ар-р, хочет напугать Ричарда, да черта с два Ричарда напугаешь, не на того напали, Ричарда пугать. Ричард Львиное Сердце идёт на врага, боком-боком-боком, как на Рыжего шёл, как на пса большого шел, как мать учила, боком, боком на врага, спину выгнуть, шерсть дыбом, хвост распушить, аш-ш-ш-ш...

Тёмный шипит, рычит, Ричард знает, кто больше всех рычит, тот первый и дёру дает, труса празднует... Тёмный уползает, извивается тугими кольцами, Ричард, Львиное Сердце, устраивается на подоконнике, вылизывает усы...

Дана обнимает Ричарда, что за фамильярности, это кто это так обращается с королевским высочеством...

– Он его прогнал! Прогнал!

Ричард Львиное Сердце распушает хвост, было, было, что было, то было, не в диковинку, он ещё и на Иерусалим ходил, и много ещё чего...

– Да это кто сделал опять, скотина чёртова, хвост оторву на хрен!

Сейчас Большой орать будет, а-а-а, это кто сделал, а то и пинка даст, это он может. Ричард спешно загребаёт посреди комнаты, прячется под диван, вот, блин, даже загresti не успел...

Большой заходит в комнату, садится на диван, Ричард готовится к прыжку.

Прыгает, впивается в ногу, Ричард храбрый, Ричард Большого не боится, Ричард вообще ничего не боится...

Большой вздрагивает, ничего не говорит.

Ричард Львиное Сердце выбирается из-под кровати, смотрит на Большого. Почему Большой не кричит, почему смотрит перед собой.

Ричард поводит усами, пробует воздух, чувствует. Ага.

Что-то случилось, кто-то пришёл сюда, в дом, кто-то нехороший, его нельзя увидеть, он притаился где-то, только непонятно, где...

Ричард прыгает на подушку, ну давай уже, заори, заори, а-а-а-а, это что такое, с грязными лапами...

– Ну чего... Ричард... Львиное Сердце? – Большой чешет Ричарда за ухом. – Это что ж получается-то, а?

Ричард урчит.

– Это ж сколько осталось... эти там сказали месяца два, не больше...

Ричард фыркает.

– А с Данкой чего будет? А с Оксанкой? А? Или ты тут за главного останешься?

Ричард поводит ушами, мол, надо, так останусь. Не впервой, целой Англией правил, было дело, а уж с Оксанкой и с Данкой как-нибудь и подавно управится...

– А мы им ничего не скажем, да, Ричард? Зачем им знать... раньше времени-то...

Ричард кивает, не надо им знать.

– О-ох, усищи какие отрастил... айда уже, ветчинки тебе дам...

Ричард Львиное Сердце урчит, ветчинка, это дело хорошее, ветчинка, это правильно, почаще бы так, бежит за Большим, распушил хвост, норовит сбить Большого с ног...

– Даночка, спать!

– Иду, иду!

Даночка бежит спать, Ричард клубком сворачивается на Даночке, урчит, отгоняет непрошенных гостей. В окно протискивается заблудившийся страшный сон, тут же вылетает обратно, испугнутый Ричардом. Одиноким комарик звенит над кроватью, тут же умолкает под Ричардовой лапой.

Маленькая засыпает, Ричард Львиное Сердце перебирается в большую комнату, прыгает на кровать, где большие.

– Ты чего сегодня... такой?

– Да... устал...

– Что-то часто ты уставать начал...

– Да на работе знаешь, как выматываюсь, хорошо тебе говорить...

– А помада какая у твоей работы? Джордани Голд?

Большой отворачивается. В другое время наорал бы, а тут нет, потому что тут этот, темный, который пришел, которого не видно. Он не прячется – но его не видно, он где-то тут и в то же время нигде.

Ричард прыгает на подушку, Большая ворчит, чего пришел, Большой отмахивается, пусть его сидит... ну ты еще хвост мне свой в нос засунь, идиотище...

Кто-то темный подходит к кровати.

Кто-то невидимый. Он не прячется, но его не видно, он не крадется, но его не слышно, он идет к постели, чтобы прыгнуть Большому на грудь...

Ричард шипит в темноту ночи. Кто-то замирает – на миг, снова крадется.

Ричард прыгает. Как тогда, на Рыжего, на идиотищу подзаборного, как на того, который к Данке приходил, как...

Кто-то тёмный будто бы и не видит Ричарда, прыгает Большому на грудь. Ничего не делает, не вонзается в горло, не впиывается в сердце, просто сидит и ждет, вот это страшно, что просто сидит и ждет, вытягивает жизнь, по каплям, по каплям. Его невозможно прогнать, его невозможно убить, чужого, холодного, незнакомого...

Ричард выгибает спину, шипит, фыркает, плюется, бросается на тёмного.

Тёмный как будто не замечает, не видит, не чувствует...

Ричард Львиное сердце снова бросается на темного, впиывается в него когтями, когти проходят сквозь тёмного, не причинив ему вреда.

– Это только, Петрович... между нами... ага?

– Ну... чего там?

– Я же сам его выдумал... вон... с Оксанкой тогда поцапался... Ну, поссорились крепенько... тут-то я его и выдумал... Ну... как почувствовал у меня в груди что-то... темное такое... комок такой...

– Нутя, навывдумывал...

– Вот и навывдумывал... а он нате вам, на самом деле... ожил... мне врач так и сказал, месяц помучаешься, и всё,

и веночек на могилку...

– Вот, блин, бывает...

– Ну... Оксанка-то теперь как...

– Она, вроде у тебя универ кончала?

– Ну-у, работа вообще хлебная, библиотекарь... так ей и говорю, иди по специальности, бабло будешь лопатой гре-сти, особняк под Лондоном купим... она обижается...

– А она знает?

– Да какое там... как я ей скажу-то вообще... меньше зна-ешь... крепче спишь...

Ричард прыгает, выпускает когти, как бы впиться ему в рожу, этому, темному, только нет у него рожи, ничего у него нет... Тёмный отбрасывает Ричарда, Львиное Сердце, да как он посмел с королевским высочеством так...

Ночь летит кувырком, со звоном разбивается полная луна в небе.

Ричард падает на ковер, так плохо было, когда большой пес подрал, а Ричард ему нос расцарапал-таки, успел...

Тёмный висится над Ричардом, бесформенный, чужой, нездешний, распускает капюшон, на капюшоне у него причудливый узор...

Ричард Львиное Сердце шипит, не привык отступать, он же Мессины брал, и Кипр завоевывал, и на Иерусалим ходил, и...

Прыгает на тёмного, как-то вкривь, вкось, из последних

сил, рвёт когтями...

Тёмный вздыхает, стряхивает с себя Ричарда, выходит в темноту ночи за окном...

– Ну чего, Ричард... Львиное Сердце... Врачам нашим бошки поотрывать надо, коновалы чёртовы... выдумали... ах, извините, диагнозом ошиблись, нет у вас там ничего... просто так... будто насморк какой, их бы так... А ты чего не встречаешь? Разлегся, о-ох, вытянулся на ковре, здоровущий какой... Э-эй... Ты чего? Во, блин... что ж ты так... Ричард... Львиное Сердце... Во рёву будет, Данка-то...

2014 г.

Завтра будем в Лондоне

– Завтра будем в Лондоне, – говорит Джейн.

Джим кивает. В Лондоне. Поезд несется шустро, за ночь до Лондона довезет.

– А в Лондоне хорошо.

– В Лондоне хорошо, – говорит Джейн.

– Хорошо, – говорит Джим.

Тарахтят колёса.

– Дом в пригороде купим, – говорит Джим.

– Сад разведём, – соглашается Джейн.

Стучит поезд.

Джим и Джейн украдкой целуются, пока никто не видит в купе.

– У нас будет четверо детишек, – говорит Джейн.

– Четверо, – соглашается Джим, – два сына и две дочки.

Джейн придумывает имена будущим детям.

Поезд трясётся в завтрашний день.

Наступает ночь.

Джим бережно укрывает Джейн, выходит из купе, идет по вагонам вперед, к пульту управления, за которым никого нет.

Смотрит вперед.

Видит бесконечно далеко впереди туннель.

Сжимается сердце.

Так и есть.

Туннель.

И никакого Лондона.

– А самую младшенькую я назову Маргарита, – говорит Джейн.

– Ну что за имя такое? – Джим не соглашается.

– А что, имя как имя... Маргарита... Грета...

– Ну, хоть Грета.

Поезд трясется в завтрашний день.

– Завтра будем в Лондоне, – говорит Джейн.

У Джима сжимается сердце.

– Ты чего?

– А... да ничего. Будем. В Лондоне.

– Дом в пригороде купим.

– Купим.

– Дядя тебе место в конторе даст, – говорит Джейн.

– Обязательно.

У Джима снова сжимается сердце, сильно, больно.

– Розы посадим... как у матери в саду, – говорит Джим.

– Ой, здорово! Красные?

– У матери белые были.

– Ну, белые тоже хорошо.

Джим кусает губы. Только что не до крови. Туннель, тун-

нель проклятый, где-то там, впереди, и никуда не денешься от туннеля этого, никаких развилок, никаких стрелок, гони вперед...

А туннель, это вообще дело гиблое, туннель. В туннель заедешь, из туннеля не выберешься. Долго-долго тянется туннель, долго-долго тянется непроглядная тьма, в которой хлопают звуки выстрелов, грохают снаряды, кто-то умирает, кто-то оплакивает умерших, кто-то...

А потом кончается туннель, и выезжает поезд на свет, и солнце растерянно смотрит на обломки вагонов, руины домов, залитые кровью тамбуры, тела убитых, вдов в черных платках... Много же времени пройдет, прежде чем поезд придет в себя, прежде чем опомнятся люди, прежде чем вспомнят, что такое жизнь под ярким солнцем, что такое жизнь без пуль, без бурь, без боли, что такое, когда не надо хоронить убитых каждую ночь, что такое жизнь под ярким солнцем, когда надо сеять пшеницу и строить дома, а не прятаться в окопах...

– Коляску купим, – говорит Джейн, – и пару лошадей.

– Ну что коляску, давай уж автомобиль...

– Давай.

Поезд несётся в завтрашний день.

– Завтра в Лондоне будем, – говорит Джейн.

– В Лондоне, – кивает Джим.

– Купим дом в пригороде, – говорит Джейн.

Джим сжимает зубы. Если бы она знала...

– Ты чего?

– Да нет... ничего. Купим дом...

Джейн режет курицу, разливает утренний кофе.

– У нас будет четверо детишек, – говорит Джейн.

У Джима сжимается сердце.

– Обязательно. Два сына и две дочки.

– Ты чего такой?

– Да... так... приболел.

Джейн прикладывает руку ко лбу Джима. Сжимается сердце. Если бы она только знала...

Хочется колотить кулаками в стену в бессильной злобе, что уже ничего нельзя изменить.

Джейн всхлипывает.

– Ты... ты что?

Джейн смотрит на Джима, глаза красные.

– Да знаю я, знаю... Всё знаю.

Джим обнимает Джейн. Смотрит на полосу рельсов впереди.

– А может... свернет где?

– Может...

– Ну что... сворачиваем к туннелю, – говорит нефтяной магнат.

– А не рано? – спрашивает оружейный магнат.

– В самый раз. Как раз успеете подготовиться.

Магнаты поворачивают стрелки. Правда что, пора бы уже и туннелю быть.

– Поезд старенький, как бы не того... – говорит автомобильный магнат.

– Ничего. Всё выдержал и это выдержит.

Магнаты подливают друг другу вина, звенят бокалы, магнаты пьют.

Поезд несется к туннелю.

– Завтра мы будем в Лондоне, – говорит Джим.

– Будем – говорит Джейн.

– Купим дом в пригороде, – говорит Джим.

– Купим, – говорит Джейн.

...поезд выезжает из туннеля, измочаленный, обескровленный, плохо понимающий, кто он и что он. Солнце изумленно смотрит на залитые кровью тамбуры, сожженные вагоны, мёртвые, невидящие глаза, обращённые к небу. Поезд медленно оживает, приходит в себя после туннеля, пытается вспомнить, куда он ехал до того, как, люди заново учатся сеять хлеб и строить дома, вспоминают, как это – обнимать жен и рассказывать детям на ночь сказки.

– Триста тысяч чистой прибыли, – говорит нефтяной магнат.

– Кому как, – говорит оружейный магнат, – кому триста, кому и все пятьсот.

Дымятся руины дома в пригороде Лондона, Джейн смотрит с фотографии на могильном памятнике, где могила Джима, не знает никто...

Поезд прибывает на перрон, делает круг, едет по привычной ветке.

– Завтра будем в Лондоне, – говорит Джейн.

Джим кивает. В Лондоне. Поезд несется шустро, за ночь до Лондона довезет.

– А в Лондоне хорошо.

– В Лондоне хорошо, – говорит Джейн.

– Хорошо, – говорит Джим.

Тарахтят колеса.

– Дом в пригороде купим, – говорит Джим.

– Сад разведём, – соглашается Джейн.

Стучит поезд.

Джим и Джейн украдкой целуются, пока никто не видит в купе.

Джим смотрит на полотно рельсов, может, на этот раз поезд свернёт не туда...

– Ну что... сворачиваем к туннелю, – говорит нефтяной магнат.

– А не рано? – спрашивает оружейный магнат.

– В самый раз. Как раз успеете подготовиться.

Финансовый аналитик смотрит на бесконечное полотно рельсов.

– А вы уверены... что дорога ведет к туннелю?

Нефтяной магнат фыркает.

– Куда же еще?

– Да знаете... всякое бывает.

– Ну, мост там какой, или дорога неровная, ничего, поскачем по ухабам, поезду это полезно.

– А если... ещё что?

– А что ещё может быть?

Финансовый аналитик разводит руками. Не знает.

Поезд несётся в подступающие сумерки.

– Получишь место в конторе у дяди, – говорит Джейн.

– В конторе, – кивает Джим.

– Посадим розы перед домом, – говорит Джейн, – белые, как у матери твоей.

– Белые, – соглашается Джим.

Оба лежат на полке в темноте ночи, отблески огней за окном проносятся по бледным лицам.

Поезд несётся вперед, по ветке, на которую перевёл его нефтяной магнат.

Где-то далеко впереди рельсы обрываются в пропасть, там, где кончается земля...

Тусклый рассвет.

Смотритель на полустанке прикладывает руку к глазам,
ждет поезда.

Не дрожат рельсы, не качаются провода.

Никого нет.

Шолади-долаши-дошали-лодаши

Мой экипаж умер на полпути до Таймбурга. Я давно ждал, что он умрет – экипаж с самого начала дышал на ладан – но не думал, что это случится так скоро. Я еще надеялся добраться до столицы, хотя бы до пригородов, еще надеялся сдать повозку в ремонт, еще надеялся выискать себе более подходящий транспорт...

Человек предполагает, а Господь располагает – вспомнил я, когда экипаж плавно опустился на безлюдную дорогу и замер. Мне еще повезло, крепко повезло: я вспомнил леденящие душу истории о людях, которые разбились в камнем упавших экипажах – и понял, что легко отделался.

Я еще попытался вернуть экипаж к жизни. Я еще сидел в повозке, прижимал озябшие руки к кристаллу, я еще мысленно уговаривал повозку добраться до города, – тебе же будет хуже, если останешься здесь, я же тебя брошу, я же не вернусь за тобой, тебя унесут сборщики мертвого... Но уже было понятно, что экипаж умер.

Бывает.

Если до этого как-то везло, не значит, что со мной такого случиться не может.

Я оглядел бескрайние равнины – насколько хватало глаз. Здесь ничего не напоминало о человеке, не было даже отошнвившихся снов. Только поодаль светлели осколки чьих-то

надежд, но бесконечно давних: много лет назад умерли и те, кто потерял свои надежды, и те, по чьей вине они были разбиты. В другое время можно было бы постоять здесь, насладиться безмыслием и безмолвием – но не теперь, под морозящим дождем поздней осени. Я проклял себя, что даже не взял плащ, понадеялся на теплый экипаж. Но теперь не оставалось ничего кроме как идти по шоссе в поисках жилья.

До города я добрался только ближе к вечеру, когда уже почти стемнело – я едва различал впотьмах дорогу, даже споткнулся о пробежавшую черную кошку, которую принял за дурной сон. Мелкий дождичек превратился в первый снежок, сияющий в лучах фонарей. Конечно, городком оказался, конечно, не Таймбург – до Таймбурга я бы не дошел и до следующего утра.

Любой здравомыслящий человек на моем месте пошел бы искать гостиницу. Но я не относил себя к категории здравомыслящих людей. Прежде всего, мне хотелось поискать в маленьких переулках маленькие лавочки и магазинчики с раскрытой книгой на вывеске. Да, книги привлекали меня больше, чем чашка горячего чая и теплый плед у камина.

Лавка нашлась почти сразу же, как будто ждала меня за поворотом – а может, у меня был какой-то дар приманивать к себе книжные лавки. На мое счастье магазин оказался еще открыт – что странно для такого позднего часа. Звякнул

дверной колокольчик, седой хозяин вышел из-за занавески, приветливо улыбнулся.

– Что-то конкретное выбираете?

Я почувствовал, что давлюсь собственным языком. Мне всегда трудно было подбирать слова, проще было бы выразить свои мысли на бумаге.

– Да... я... посмотрю.

– Ну, смотрите.

Хозяин сразу потерял ко мне всякий интерес. Он принял меня за одного из туристов, которые приехали поглазеть на старинный городок и ходят по улицам со скучающим видом. Или еще хуже, владелец посмотрел на мой вымокший костюм и решил, что я просто заплутал в пути и забился в первую попавшуюся лавочку, чтобы согреться.

Я посмотрел на клетку. Книги никак не хотели сидеть смирно, прыгали по жердочкам, перепархивали на прутья, кружились под куполом клетки. С невозмутимым видом я взял притулившуюся в углу серебряную палочку и постучал по клетке – книги послушно расселись по жердочкам, сложили страницы, повернулись ко мне обложками.

Взгляд хозяина переменился – старик даже изумленно поднял бровь. Он никак не ожидал увидеть настоящего специалиста по книгам – да и ничего в моем облике не выдавало знатока.

Я решил добить его. Окончательно.

– Вы старинную астрономию напрасно в общую клетку

посадили.

– Простите?

– Напрасно, говорю, старинную астрономию в общую клетку посадили. Заклюют её там. Смотрите, вон уже корешок исклевали.

– Это она случайно о прутья клетки задела.

– Не случайно. Смотрите, астрономия-то допотопная, в ней говорится, что солнце вращается вокруг земли, а обе луны приколочены к небесному куполу. А тут вокруг сидят современные книги, в них совсем другое написано, что Земля вертится вокруг солнца. Вот они и дерутся.

Хозяин недоверчиво покосился на меня.

– Вы думаете?

– Я знаю. Пятнадцать лет с книгами уже... профессионально.

Хозяин смущенно кашлянул. Я осторожно перебирал палочкой, книги покорно перепархивали с жердочки на жердочку, чтобы я смог рассмотреть их все.

– Что-нибудь заинтересовало? – с надеждой спросил хозяин.

– Да... пожалуй, возьму несколько книг для Академии.

Слово «Академия» подействовало на продавца, как электрический разряд.

– Большая честь для меня. Очень большая честь.

Я осторожно спросил:

– Это... все книги, которые у вас есть?

Торговец смутился.

– Ну, там, в дальнем зале есть еще очень старые книги.

И несколько умерших книг.

– Разрешите взглянуть?

Владелец лавки повел меня в дальние комнаты, бормоча что-то почтительное.

– Вот... пожалуйста. Редчайшие экземпляры.

Я посмотрел книги – два старинных фолианта со сказками и мертвая книжица-однодневка, которая умерла, так и не родившись. Мне приглянулся один из фолиантов – в общем-то я остался доволен своим визитом.

За исключением того, что я так и не нашел то, что искал.

На улице стало подмораживать – я спохватился, наконец, что следует позаботиться не только о книгах, но и о себе, найти какую-нибудь гостиницу.

Как назло я не видел в городе ни одной вывески. Я уже был близок к тому, чтобы постучаться в первый попавшийся дом и попросить ночлега – неслыханная дерзость для меня – когда впереди показалось что-то, похожее на гостиницу.

Я постучал в дверь. Дверь долго не открывали, наконец, послышалась возня, полоска света упала на ступеньки и тут же потемнела от массивного силуэта.

– Вам чего?

Я вздрогнул. Я не привык, чтобы со мной обращались подобным образом. Слова снова все куда-то подевались,

я с трудом их подбирал.

– Я... гхм... я хотел бы...

– Короче!

– Я хотел бы попросить ночлега.

– Номеров нет.

Это было пострашнее грома среди ясного неба. Почему-то я был уверен, что как только я найду гостиницу, мои злоключения закончатся. Кто же мог предположить, что в этот вечер для меня все только начинается.

– Я замерз...

– Вы что, не слышали? Номеров нет.

– Да я замерз, вы что, не понимаете? Умоляю вас... хотя бы на кухне... у помойного ведра.

– Нет у меня на кухне помойного ведра, ради Вас его там ставить не намерен! – он усмехнулся, я расценил его усмешку, как приглашение, шагнул на порог. Каково же было мое удивление, когда хозяин схватил меня за воротник с явным намерением оттолкнуть прочь. Не помню, что нашло на меня, как я сцепился с хозяином, как мы покатались по комнате. Как со стороны я увидел себя лежащим на полу, как со стороны увидел ногу хозяина, поставленную мне на грудь, книги, разбросанные по прихожей – мой противник оказался сильнее меня.

– Это что у вас... – спросил хозяин, убирая ногу.

– Книги, – ответил я как можно непринуждённое.

– Неужели... – он задумался – вы торговец?

– Нет. Книжник.

Мое признание грянуло как гром среди ясного неба.

– Что же Вы сразу не сказали, – засуетился хозяин, – книжник... Боже мой, какая честь для меня... книжник... и где – в моем доме! Настоящий книжник!

Я осторожно кашлянул.

– Вы говорили, у Вас нет комнат.

– Что же, могу уступить Вам свою.

– Об этом не может быть и речи. Нет, нет, не могу быть Вам обузой... – я вспомнил облик дома снаружи, спохватился, – насколько я понимаю, у вас есть башенка наверху? Я бы с удовольствием там устроился.

– Да там даже камин не растоплен... боже мой, боже мой, никак не ожидал... никак не думал, что вы... разрешите... ваш багаж...

Хозяин пошел за мной вверх. Чем дальше, тем больше мне становилось не по себе, я уже пожалел, что пришел в этот дом. Убранство дома не наводило на мысли о гостинице, и как я ни напрягал свой слух, не слышал в комнатах голосов и других признаков присутствия людей. Я пытался успокоить себя, мысленно говорил себе, что час поздний, все спят, и виной всему мое разыгравшееся воображение.

Мы поднялись по винтовой лестнице в башню – отсюда открывался великолепный вид на городок, я даже первый раз за время пути порадовался, что судьба занесла меня в эти края. Внутреннее убранство башенки не отличалось роско-

шью, однако, сейчас я был рад и самой скромной обстановке.

Хозяин растопил камин, принес чистые простыни и свежие сны. Лично я бы предпочел сон, проверенный временем, но так устал, что у меня уже не было никакого желания что-то заказывать и просить. Я поставил клетку с книгами у окна – конечно, я мог бы выпустить книги, но еще не успел приручить их достаточно хорошо, чтобы отпустить летать по комнате.

– Быть может, разогреть вам ужин? – спросил хозяин.

– Не стоит. Разве что от чашки чая не откажусь.

– Сию минуту. Кстати, может, открыть для вас старый сон?

– Вы прямо-таки читаете мои мысли. Сон ведь чем древнее, тем лучше.

Хозяин вышел за дверь, – я слышал, как заскрипели ступени извилистой лестницы. Я остался один наедине с поздней осенью, медленно переходящей в зиму. Кто-то там, наверху, слышал мои молитвы, кто-то послал мне уютный вечер у очага. Я уже почти начал дремать в кресле у камина, когда меня разбудил стук в окно.

Да-да, не могло быть никакой ошибки – кто-то стучал в окно. И это было тем более странно, что я находился на высоте пятого этажа, куда просто не мог добраться никакой человек.

Тем не менее, я отдернул занавеску и посмотрел в темноту ночи. Сначала я ничего не увидел, – передо мной рассти-

лался город насколько хватало глаз. Потом мне показалось, что за окном мелькнула ночная птица или летучая мышь. Я хотел уже было задернуть занавеску и вернуться к уютному камину, когда, наконец, увидел, что за существо трепещется за окном, бьется в стекло.

Я увидел книгу.

Я осторожно приподнял раму и так же осторожно подхватил книгу. Я не боялся, что она меня клюнет – просто осторожничал, сам не знаю, почему. Книга тоже побаивалась меня, далеко не сразу села мне на руку. Но все-таки устроилась на запястье, позволила внести себя в дом. Бедняжка страшно вымокла, страницы разбухли, вообще любой другой на моем месте не стал бы связываться с такой книжицей. Но я не был любимым другом, я не мог пройти мимо пострадавшей книги. Я бережно расправил её страницы и положил странницу на коврик возле камина – не слишком близко, чтобы книга не загорелась, но и не слишком далеко, чтобы книга могла просохнуть.

Вернулся хозяин. Я сразу почувствовал аромат крепкого чая и не менее крепкого сна. Да, этот человек знал толк в хороших снах, я понял это сразу же.

Мы выпили за встречу. Чай понемногу развязал язык мне и хозяину, разрушил какие-то невидимые границы между нами.

– Разрешите узнать... вы на каких книгах специализируетесь?

– Да, собственно... Какие попадутся.

– Прямо таки все?

В другое время я бы не стал рассказывать чужому человеку о своих планах. Но чай действительно разговорил меня, да и крепкий сон над головой лишил меня бдительности.

– Понимаете... я ищу самородки.

– Помимо книг еще и самородки?

– Нет. Книги-самородки. Те, которые написаны не людьми...

– ...а которые появились сами?

– Да.

– Это большая редкость... дикие, вольные книги.

– Да. Разыскиваю их для заповедников. Вы и представить не можете, в каком соре мне доводилось находить книги. Вот, смотрите, какой экземпляр прибилась только что...

Хозяин оторопело глянул на книгу, видимо, заметил её только что.

– Самородок?

– Даже не знаю, не успел разглядеть. Видите, в каком она состоянии.

– Да, в ужасном... Но думаю, вы сможете вернуть её к жизни.

– Несомненно.

Мы поговорили так еще минут десять. Сон постепенно стал убаюкивать меня, я даже не помнил толком, как хозяин пожелал мне спокойной ночи и ушел. Последнее, что сохра-

нилось в памяти – как книга вспархивает от камина и перелетает мне за пазуху.

Я проснулся глубокой ночью – от странного чувства, как будто кто-то смотрел на меня. Любопытная луна заглядывала в окна, пряталась за темным силуэтом, нависшим над кроватью. Я попытался встать, но тут же был отброшен назад, а холодное лезвие коснулось моего горла.

– Нда-а, вы не вовремя проснулись... Очень не вовремя. Сопротивляться не советую. У меня есть еще и самострел. Не двигайтесь. Да не бойтесь вы за свои деньги, не нужны мне ваши деньги. А вот клеточку я конфискую.

Я вздрогнул, лихорадочно стал соображать, во что можно пересадить книги, если отнимут клетку. Каково же было мое удивление, когда хозяин подхватил клетку и понес к выходу.

– Книги... книги...

– Да, друг мой, книги.

– Книги... оставьте книги...

– Друг мой, а разве вы не поняли, что мне нужны именно ваши книги? Не двигайтесь: я не хочу причинять вред своему дорогому гостю...

Я больше не контролировал себя – я бросился на него, мощный кулак отшвырнул меня на пол, а я и забыл, что хозяин сильнее меня...

Сознание возвращалось медленно – я несколько раз то

пытался прийти в себя, то снова проваливался в небытие. Наконец, я постепенно начал осознавать, где я нахожусь – я лежал у обочины в траве, надо мной проплывали легкие облака. Все случившееся за ночь казалось дурным сном, наваждением, приснившимся мне на улице. Так обычно и бывает, когда засыпаешь вне дома и даже не ставишь оберег от дурных видений – обязательно прицепится какой-нибудь кошмар, от которого не отмахнешься, потом просыпаешься, и понять не можешь, было с тобой это или нет.

Я попытался встать – нестерпимая головная боль швырнула меня снова в траву. Я понял, что происходящее не было сном, не было случайным наваждением. Меня действительно заманили в гостиницу и ограбили. Заманили... гхм... Я тут же вспомнил, что пришел в гостиницу сам, и мне некогда винить, кроме как самого себя.

Я даже не сразу понял, в какой стороне находится город – видно, крепенько меня вчера приложили. Когда я поднимался на ноги, что-то шелохнулось у меня за пазухой. Отчаяние сменилось легкой надеждой: за пазухой оказалась книга, та самая книга, которую я подобрал вчера ночью, впустил в окно. А ведь мне так и не удалось хотя бы пролистать эту книгу, не говоря уже о том, чтобы как следует познакомиться с ней. Кое-как, пошатываясь, я добрался до города – в свете дня он показался мне совсем другим, я даже усомнился, да был ли это тот самый город. Отделение полиции подвернулось мне неожиданно быстро – как будто поджидало меня

за углом.

– Слушаю вас, – кивнул мне человек в форме.

Я застыл на пороге, оторопевший.

– Слушаю. Говорите же. Что-то случилось?

– Меня... обокрали.

– Кто, где?

– В гостинице...

– Носильщик?

– Н-нет... хозяин.

– Ничего себе... Адрес гостиницы?

Земля перевернулась у меня под ногами.

– М-м-м... не помню.

– Как не помните?

– Темно было... вчера... поздно вечером...

– Вы были пьяны?

– Нет.

– И не помните?

– Даже не посмотрел на адрес...

– Что пропало? Деньги?

– Да нет... книги.

– Книги?

– Ну да. Клетка с книгами.

– Редкие экземпляры?

– Очень.

– В какую сумму вы оцениваете потерю?

– Две тысячи. Не меньше.

– Гхм... ну вы уверены, что это хозяин украл, а не сами вы клетку где-то потеряли, оставили?

Я вздрогнул.

– Да где это видано-то, чтобы человек клетку потерял? С книгами?

– Да, действительно... перечислите пожалуйста украденные книги. И клетку опишите подробнее.

Перечисляю украденные книги. Описываю подробнее. Уже понимаю, что ничего хорошего из этого не выйдет. То есть, совсем.

– Ну что я вам могу сказать... – человек в форме постучал вечным пером по столу, – конечно, попробуем ваши книги поискать. Но преступников сейчас как звезд на небе... так что скорее всего книги ваши уже продали. Конечно, я посмотрю на рынке, может, найдется что-то такое. Но вряд ли.

Я хотел ответить ему – вряд ли.

Не сказал.

– Что же... большое спасибо.

– Не за что пока. Если что-то найдем, мы с вами обязательно свяжемся.

Я вышел из участка, уже точно зная, что никто со мной не свяжется, и никто никакие книги мне не вернет.

Потому что за столом в участке сидел хозяин гостиницы – или тот, кто выдавал себя за хозяина.

Я решил добраться до Таймбурга в крылатке – у меня уже

просто не было сил покупать новый экипаж взамен умершего. Крылатка оказалась на редкость вместительной, я первый раз видел, чтобы в подобных сооружениях были отдельные каюты. Тем не менее, мне предоставили именно такую каюту, с диваном и столиком, и даже с книжной. Я посмотрел на книжную, вспомнил свои собственные книги – и сердце мое сжалось.

Скорбь о потерянных книгах напомнила мне о единственной уцелевшей книжице. А она уже пришла в себя, и весело вспорхнула, когда я выпустил её из-за пазухи. Обычно люди начинают читать книгу с начала, страница за страницей – но я никак не мог избавиться от застарелой привычки сначала раскрыть книжицу на случайной странице и читать...

Ночь выдалась безлунная, прекрасная ночь для побега. Я знал, что в половине первого меняется караул, и в это время у западной башни никого не было. Высота от окна ...

Я прервал чтение. Что-то насторожило меня, я еще не мог толком понять, что именно, какая-то нестыковка, неувязка в сюжете, как бывает, когда... Я долго не мог понять, в чем дело, я читал и перечитывал попытку побега безлунной ночью, пока, наконец, не хлопнул себя по лбу.

Ну, конечно же.

Ночь стояла безлунная.

Безлунная ночь.

Я еще посмотрел на обложку книги, не стоит ли там пометка – фантастика, или сказка. Нет, ни фантастикой, ни сказкой здесь и не пахло, – но книга говорила про безлунную ночь.

Я стал листать книгу в поисках места издания – каково же было мое изумление, когда я увидел, что страница с местом издания книги вырвана. Нет, не потерялась, не оборвалась случайно, как бывает в старых, полурассыпавшихся книгах – просто вырвана самым грубым образом.

Я не понимал, я не верил себе. У меня в голове не укладывалось, как можно выдернуть страницу из книги. Я чувствовал себя так, как будто при мне кто-то вырвал человеку язык или глаза.

Чем больше я осматривал книгу, тем больше убеждался, что моя находка стала жертвой не бури и не дождя. Конечно, многое говорило о том, что книга преодолела очень долгий путь. Но были и признаки того, что кто-то пытался сжечь книгу.

Уничтожить книгу...

Мне стало страшно. Я поверить себе не мог, что у кого-то поднимется рука уничтожить книгу. Конечно, в последнее время то и дело говорили о падении нравов, но книги были и оставались величайшей ценностью. Только безумец мог искалечить книгу – но повреждения не были похожи на действия безумца.

– Что с тобой случилось? – спросил я, – откуда ты?

Я знал, что книга мне не ответит: страницы могли рассказать только то, что было написано на них. Тем не менее, книжка поняла мой вопрос, вспорхнула и закружилась у меня над головой, как будто приглашала отправиться за ней в те края, откуда она прилетела.

— Милая книжица, я еще не вернулся из одного путешествия, а ты уже зовешь меня в другое, — я попытался урезонить её.

Книга как будто не слышала и не хотела слушать, кружилась и кружилась у меня над головой, хлопала страницами. Когда же я лег на диван, всем своим видом показывая, что не намерен отправляться в путь, книга забилась на полку в книжницу, явно обидевшись. Мне стало неловко.

— Если бы я хотя бы знал, откуда ты родом... и кто хотел убить тебя...

Книжка перепугано захлопала страницами, показывая, что не хочет вспоминать про этого ужасного человека. Мне стоило большого труда успокоить книгу, я взял её в руки и даже спрятал за пазуху, чтобы показать, что не дам в обиду. Потом я снова раскрыл её, пытаясь догадаться, откуда же судьба занесла её в наши края.

Я прервал чтение, когда мне попало слово настолько незнакомое, что я даже не мог вспомнить, чтобы слышал его хоть когда-нибудь. Это слово явно означало какое-то транспортное средство, потому что на странице значилось: мы взяли двух лошадей, чтобы доехать до Лондона. Ло-

шадей, лошадей, повторял я про себя, представлял себе то экипаж, то что-то двухколесное, то легкое и крылолётное. Но чем больше я представлял себе, тем больше убеждался – я никогда не слышал такого слова.

– Что такое долашь? – спросил я у книги, – что такое... м-м-м... дошаль?

Я ожидал, что книга не ответит мне. Каково же было мое удивление, когда она взмахнула страницами и раскрылась на развороте, где два человека – герой и героиня – сидели верхом на странных животных.

– Это лошадь? – спросил я, – эти звери называются лошадь?

Книга мотнулась в воздухе, что можно было расценить, как кивок головой.

– Ты же сказка, да? – догадался я, – волшебная сказка?

Книга мотнулась, что можно было понять, как «нет».

– М-м-м... ты хочешь сказать, что где-то есть эти... шалоди... лошади?

Снова – да.

– Не может быть... ты меня разыгрываешь... Ну конечно, ты же сказка, ты искренне веришь во все, что в тебе написано...

Книга не дала мне договорить, захлопала меня страницами по макушке. Я поднял руки в знак капитуляции. Я совсем забыл, что каждая книга не ставит под сомнение то, что в ней сказано, и если вам попадетсЯ древний фолиант об устрой-

стве мира на четырех слонах – даже не пытайтесь рассказывать ей про планеты и звезды.

...Шокирующее происшествие всколыхнуло общественность на прошлой неделе. Кто бы мог подумать, что невинный подарок ребенку на день рождения может обернуться такой катастрофой?

Тем не менее, случается и такое. Маленькому Рипу подарили книгу сказок – что может быть лучше для ребенка! Однако, недолгое счастье мальчика и родителей омрачилось ужасным происшествием: неделю спустя Рип пропал.

Убитые горем родители заявили в полицию. Отрабатывались самые безумные и страшные версии – от похищения с целью выкупа до убийства ребенка. К счастью, три дня спустя мальчика удалось найти. Каково же было изумление всех и вся, когда обнаружилось, что причиной побега мальчика стала... книга.

Да-да, невинная книга сказок. Она стала для малыша настоящим другом, увлекла доверчивого мальчугана своими историями: ребенок поверил, что где-то и правда есть дивные края, о которых повествует книга. Однажды утром он отправился в путь – как было написано в книге, куда глаза глядят. Мальчика нашли в соседнем городе – как он туда попал, до сих пор остается неизвестным. Родители и полиция настаивали, чтобы книгу изъяли, как вредную и опасную – но детский психолог настоял, чтобы книга осталась

с мальчиком, ведь расставание с ней может нанести ребенку нешуточную травму. Что об этом думает сама книга, полиция не сообщает, – хотя скорее всего книга продолжает уверять, что где-то есть дивные края и удивительные страны, в которых путешественников ждут удивительные приключения...

По материалам «Таймбургского вестника»

В Таймбург я приехал ближе к вечеру – и, несмотря на то, что выспался в крылатке, чувствовал себя смертельно уставшим. Все, о чем я мечтал, – немедленно вернуться домой и лечь в горячую ванну, пока мой умный дом растопит камин, приготовит ужин и застелет постель.

Но картинка в книге не давала мне покоя. Эта картинка выглядела слишком... реалистично, что ли. Как будто художник не выдумывал диковинное животное, а нарисовал его едва ли не с натуры. Поэтому я первым делом решил отправиться в библиотеку при академии, правда, я совершенно не знал, что там искать.

Я настолько отвык от Таймбурга, что величие и суэта столицы подействовали на меня удручающе. Обилие крылолёток, крылаток, экспрессов, многоярусные дома, рвущиеся в небо, стаи летучих писем, горластых газет...

– Что-то подсказать? – услужливый библиотекарь повернулся ко мне, тут же спохватился, – молодой господин,

со своими книгами нельзя.

— Это очень важно.

— Очень сожалею, нельзя.

— Но...

— Мне придется вызвать охрану.

В отчаянии я раскрыл книгу на развороте с картинкой, показал библиотекарю.

— Вот... дошаль.

Полный мужчина шарахнулся от меня, как от прокаженного.

— Где... где вы это взяли?

Мне стало не по себе. Только сейчас я стал догадываться, что мог подхватить какую-нибудь вредную книгу, запретную книгу, а что, ведь бывают такие, и если я ни разу не сталкивался со зловредными книжицами, это не значит, что их нет.

— Она прилетела ко мне ночью...

— Невероятно. Молодой господин... сколько вы хотите за эту книгу?

Сам не знаю, что нашло на меня в эту минуту, почему я сказал:

— Не продается.

— Молодой господин... клянусь честью, я озолочу вас.

— Нет. Не продам. Видите ли... я хотел бы отправиться туда, откуда прилетела эта книга. Так сказать, увидеть собственными глазами.

Библиотекарь расхохотался. Я уже понял, что ляпнул ка-

кую-то глупость, но не понимал, в чем она заключалась.

– Это невозможно, молодой господин.

– Отчего же?

– О, простодушие юности... Вы на полном серьезе полагаете, что сможете добраться туда?

– У академии достаточно средств, чтобы оплачивать наши поездки в самые дальние уголки мира.

– Молодой господин... даже если вы продадите всю академию и поедете на вырученные деньги, вы все равно не доберетесь до этих краев.

– Ну, вы недооцениваете академию.

Полный человек посмотрел на меня презрительно.

– Молодой господин, пойдемте... освежим в памяти историю.

Я не понимал его. Я терпеть не мог, когда меня принимали за идиота, когда меня недооценивали – но именно это и происходило сейчас.

– Взгляните сами, молодой господин. Вот карта.

Я посмотрел на карту. Нет, не на карту земли, и даже не на карту мира – я увидел карту миров, миров и миров.

– А лошади жили вот здесь.

Я вздрогнул. Чуть было не хлопнул себя по лбу, ну конечно, как я мог забыть. Конечно, что-то оттуда, так оттуда, что оттудовее некуда...

– Так сколько вы хотите за книгу? – снова спросил библиотекарь.

Я снова ответил, сам не знаю, почему:

– Не продается.

Подъезжая к дому, я заметил, что книга беспокойно вспархивает у меня с плеча, хлопает крыльями – так, словно пытается предупредить о чем-то. Я попытался успокоить её, однако, она всполошилась еще больше. Мне даже пришлось посадить её за пазуху, когда я выходил из экспресса – чтобы книга не ислевала и не исцарапала других людей. Когда же я уже подходил к своему дому и послал ему сигнал хорошенько встретить хозяина – книга и вовсе вспорхнула и стала колотить меня крыльями в лицо.

Я понял её тревогу – когда увидел свет на нижнем этаже дома, и когда дом осторожно возвестил мне, что кто-то пришел и дожидается меня.

Кто-то...

Я еще не знал, кто – но чувствовал по поведению моей книги, что встреча не предвещает ничего хорошего. Я долго колебался между желанием уйти от собственного дома, куда глаза глядят – и войти, подвергнуть себя опасности. Но я просто не мог позволить себе вот так позорно отступить. В конце концов, я был ни в чем не виноват, и закон был на моей стороне.

По крайней мере, я так полагал тогда.

На крыльце книга вспорхнула с моего плеча, сильно оттолкнулась лапками – и улетела в темноту. Я не успел под-

хватить её – да собственно, и не пытался, ведь я никак не ожидал, что книга меня покинет.

В который раз я вспомнил про себя правило цеплять книгу на цепочку, когда идешь с ней по улице. В который раз тихонько проклял себя, что не последовал этой рекомендации. Была ли виной моя оплошность или странное поведение странной книги, факт был налицо: я потерял свою находку.

Когда я вошел в дом, в первую минуту мне показалось, что я ошибся, и в доме никого нет. Но в то же мгновение в прихожую вышли двое, в одном из которых я узнал хозяина гостиницы: он по-прежнему был в полицейской форме. Его сопровождал здоровенный детина, один вид которого не оставлял сомнения: решить конфликт физической силой у меня не получится.

– Вечер добрый, – осторожно начал я, – чему обязан...

– По поводу кражи обращались?

– Да.

– Что же. Нашли ваши книги. Вот.

Я в ужасе посмотрел на стопку книг – я первый раз видел, чтобы так обращались с книгами: они лежали крепко связанные и не могли даже взмахнуть страницами.

– И клетка вот ваша.

Я бросился к книгам, начал лихорадочно перелистывать страницы.

– Вы хорошенько посмотрите, ничего там не пропало? Страницы на месте, не заляпаны ничем?

Я смотрел. Книги были в целости и сохранности, разве что сильно напуганы и рассержены: мне пришлось запереть их в клетку, чтобы они не набросились на незваных гостей.

– Так-таки говорите, ничего не пропало?

Я еще раз оглядел книги.

– Н-нет.

– А еще одна книжица была... старая такая, потрепанная...

Я чуть отступил в тень комнаты, чтобы не было видно, как кровь приливает к моему лицу.

– Нет, все на месте.

– Ну как же... поймали мы этого злодея, который книги у вас украл... он говорил, еще одну книгу у вас видел... старая такая у камина лежала...

– А-а, так кому это старье нужно, выбросил уже.

– Вы... выбросили книгу?

– А что? Пусть летит, куда хочет.

– Первый раз вижу, чтобы работник академии выбросил книгу.

Не много же вы знаете про работников академии, подумал я про себя.

– Ну, если мы все книги собирать будем, нам никаких библиотек не хватит. Отогрелась книга, дальше полетела. И не выбросил, а отпустил.

– Вы хоть понимаете, что это была за книга? – спросил грабитель.

– Я пролистал, ничего особенного. Какая-то слезная мелодрама. А что?

– Это очень опасная книга. Очень опасная.

Я помотал головой.

– Да вроде смирная была книжица, она клюнула меня всего один раз, и даже не до крови.

– Молодой господин... вы, конечно, в академии своей много чего знаете, только о таких вещах даже и не догадываетесь. Что есть книги, рожденные и не в нашем мире.

– Ну что вы, у нас очень много зарубежных книг. По странам, по континентам, вот, недавно я ездил...

– Нет-нет-нет, – грабитель постучал пальцами по клетке, книги испуганно встrepенулись, – вы не понимаете. Эта книга – порождение не нашего мира. Она пришла к нам из темных миров.

– Там уже давно ничего нет, – не согласился я.

– Откуда вы знаете? Вы были там?

Я смутился.

– Нет, но...

– Да, так считает большинство. Но на самом деле там, откуда ушли сны, таится зло, величайшее зло. В тех краях появилось что-то страшное... там... откуда ушли сны. Какое-то великое зло, которое может погубить нас всех. Это зло иногда создает почти точные копии книг. Но это только копии. Вы понимаете, молодой господин?

– Да. Начинаю понимать.

– Скажите... вы не помните, куда полетела книга?

– Честное слово... не припоминаю.

– Как вы думаете, она может... м-мм... вернуться к вам?

– Кто её знает... – я спохватился, тут же поспешно добавил, – если она еще вернется, я обязательно вам сообщу. Послать письмо в полицию, да?

– В полицию. Заранее благодарны. Я знал, что вы поймете.

– Как тут не понять, – ответил я, тут же спохватился, – налить вам чаю?

– Не стоит, – грабитель в полицейской форме пожал мне руку, – большое спасибо. Всего хорошего.

Когда они ушли, я вспомнил, с каким нетерпением торопился домой, как предвкушал блаженный отдых блаженный отдых в горячей ванне и в кресле у камина. Теперь же я почувствовал, что отдых не принесет мне никакого удовольствия – недавние события окончательно выбили меня из колеи.

Я все-таки приказал дому наполнить ванну, приготовить ужин и растопить камин: мне просто необходимо было отдохнуть и привести себя в порядок. Тем не менее, я понимал, что не засну в эту ночь, просто не засну – буду ждать, сам не знаю чего.

Я ждал. Я ждал почти до рассвета, вслушивался в шорохи дождя за окном. Зима еще не пришла в Таймбург, в городе все еще продолжала царствовать промозглая осень. Я ловил себя на том, что с нетерпением жду первого снега, да не ка-

кого-нибудь там, в захолустном городишечке – а тамйбургского, пушистого, падающего крупными хлопьями в сиянии фонарей...

Около двух ночи послышался стук в окно. Я ждал этого стука – с самого вечера. Что-то подсказывало мне, что книга вернется, что она должна вернуться.

Я отдернул занавеску: предчувствия не обманули меня, за окном действительно хлопала страницами книга, та самая. Я открыл окно – она опустилась мне на руку.

Шолады, вспомнил я. Нет, дошали. Нет, долаши. Я поймал себя на том, что никак не могу вспомнить слово. Уже засыпая, я почти схватил слово за ускользящий хвост – оно провалилось в глубину сна, и я вслед за ним.

Амай торопится.

Амай спешит.

Холодно Амаю, а он все равно спешит, все равно торопится, ударяет палками в снег, подгоняет лыжи. Легко несутся востроносые лыжи, несут Амая по снегу, через лес, через заснеженные пустоши, где вместе со снегом растекается, переливается в свете луны сон.

Мало сна осталось.

Очень мало.

Раньше много было.

То раньше.

А теперь мало.

Торопится Амай, – до заката надо успеть в ложбинку, где вчера заметил книжки следы. А где следы, там и книжка. А где книжка, там и чтиво. Значит, не помрет народ.

Торопится Амай. Вот и развилка уже, свежим снегом припорошенная, вот и сны лежат поклеванные. А вот и книга изпод снега выпорхнула. Простенькая такая книжоночка, тоненькая, ну да ничего, на бескнижье сойдет.

Амай натягивает тетиву, целится.

Книга вспархивает, летит, исчезает в зарослях. Амай спешит, не упустить, не упустить, только не упустить.

Амай несется за книгой, вздымает снег, взмахивает палками, раз, другой, третий...

Хруст.

И вроде не лыжа хрустнула, другое что-то. Амай скользит на лыжах вперед, падает в снег. Нога взрывается болью, и мир вместе с ней.

Вспархивает книга, улетает в подступающую темноту ночи.

Плачет Амай.

И вроде знает, нельзя плакать парням народа ухта, да какое нельзя, сами слезы текут и текут.

Ковыляет Амай к дому. К теплему очагу. И не то обидно, что идти не может, а хромого и казнить могут, кому хромым нужен – а то страшно, что книгу-то упустил, без книги домой вернется.

Вот и огни уже, деревенька родная. Вот и дозорные смотрят на заметенную снегом тропу, на Амая – что-то принес...

Кто-то подхватывает Амая, кто-то ведет в дом. А в доме отец, а в доме вождь сидит, брови хмурит, на Амая смотрит – где книга, что читать-то людям будем?

Разводит руками Амай, мотает головой. Забывается, наступает на больную ногу, падает под ноги вождю.

Трясет вождь седыми волосами, говорит что-то – резко, отрывисто.

Люди не понимают, люди не верят – как так, почему так, зачем так.

Вождь повторяет.

Вздрагивает народ, стар и млад.

Мать Амая всхлипывает, падает в ноги вождю, просит. Но нет, непреклонен вождь, как сказал вождь, так и будет. Сказал вождь – на север пойдем, значит – пойдем.

И все тут.

Кто-то несет Амая на лавку, кто-то поднимает штанину, знахарь наклоняется над пострадавшим, перебирает четки, шепчет молитвы пресвятой Обереге, чтобы не погубила...

А когда сонный период на нет пошел, сон с земли отступать начал. Дальше, дальше из мира реальности, дальше, дальше в какие-то мистические глубины, откуда он пришел миллионы лет назад, когда поменялась земная ось. Не та, вокруг которой вращается земля, а другая, соединяющая зем-

лю и другие миры.

Да-да, которую охтоскопом меряют.

Вот отходит сон, освобождается земля из-под сна, многовекового, глубокого, тяжкого. Просыпается земля там, где до этого спала, распускаются первые цветы.

А книги?

Как книгам без снов-то жить?

Не живут книги без снов.

Вот и летят книги туда, где сны. Собираются в стаи, стай-то веселее, и летят. Не клином, как журавли, а как-то по-особенному, загогулиной какой-то, так сразу и не разберешь. Да вы наскальную живопись посмотрите, там показано, как книги летят. Впереди летят такие, которые бессмертные, на века, за ними что поплоче, послабее, а под конец такие, что на один раз, прочитал, и забыл, про что читал.

Летят.

Ну, где-то и страницы роняют, летят страницы, кружатся на ветру с осенними листьями.

А люди что?

А людям-то на земле как без книг жить?

Не жить людям без книг.

Вот люди за книгами и пошли. Собираются в стаи, идут, кто копье с собой несет, кто топорик каменный, женщины детей тащат, кто-то отстают, кому-то помогают идти, а кого и не ждут, кто ослаб совсем, сам живи, как знаешь.

Идут люди.

Зорко следят дозорные, смотрят в небо, ищут книжные стаи. Высматривают, где книги на ночлег остановятся, на каком дереве.

Охотники расправляют силки.

Ловят книги.

Шум, хлопанье страниц, взлетает в небо потревоженная стая.

Люди вытаскивают из силков книги, первым делом, конечно, вождю несут, вождь посмотрит, что посерьезнее, то большим, что получше, почище, то детям, а есть и такие книги, что это только мудрецам давать, простому человеку никак.

А книги дальше летят туда, где сон отступает.

Не жить книгам без сна.

И люди за книгами идут. Уже и землю покинули, уже и не помнят толком, что за земля такая была, и старики умерли, что землю помнили, когда детьми босоногими были, и дети их умерли, и дети их детей умерли.

Уходит сон в дальние края, в дальние миры, течет сон по камням, укрывает землю, прячется в расщелинах.

Летят книги за сном.

Идут люди за книгами.

– Ну и вот... а потом книги все истребили... Это была первая экологическая катастрофа.

– Так, – говорит учитель.

И так говорит, что не поймешь его, то ли согласен он со мной, то ли нет. Этти когда отвечала, он тоже все – так да так, а потом хоп – и на пересдачу.

– И когда книг не стало, люди сами их выращивать стали.

– Это как?

Вздрагиваю. Подвох какой-то в вопросе, понять бы еще, какой.

– М-м-м... буквами.

– Что... прямо так сразу и начали?

– Н-нет, до этого еще темные века были. Две тысячи примерно. Дичали люди, книги забывать стали...

– Верно.

Смотрю на свою зачетку, ну, ну, ну...

– Задержитесь... после экзамена ко мне подойдете.

Мир падает из-под ног, крутится в голове что-то, за что, за что, за что. Вываливаюсь в коридор, кто-то набрасывается на меня, сдал-сдал-сдал, не могу ответить, кто-то из закоренелых двоечников обнимает, а-а-а, с боевым крещением тебя...

Вхожу.

Не вхожу – просачиваюсь.

– Чего вам?

Кажется, учитель уже про меня забыл. Это вот хуже всего.

– М-м-м... вы это... зайти просили.

– А. ну да. Ну, так вот, мил человек, говорите, сон-то мил-

лионы лет назад с земли отступать начал?

– Ага.

– А книги за сном полетели?

– Ну.

– А люди за книгами потянулись?

– Да.

– Силки на них ставили.

Прошибает пот. Лихорадочно припоминаю, как же ловили книги, силками или чем...

– Силки ставили? – повторяет учитель.

Отвечаю обреченно:

– Да.

– А вы мне скажите... а что случилось с людьми, которые там, на земле остались?

– А что... были такие?

Спохватываюсь. Вот я и прощелкал счастье свое, такого вопроса он мне не простит.

– М-м-м...

– Были, молодой человек. Были.

– Умерли.

– Думаете?

– Ну а как же? Без книг человек...

Хлопаю себя по лбу, живет человек без книг, еще как живет, только дичает...

– М-м-м... не знаю. Этого в учебнике... не было.

– Правильно, кто ж вам в учебнике про такое напишет.

Вспоминаю.

– Там вообще написано, что не осталось на земле никаких людей.

– Остались. Еще как остались. Одичали, с ума посходили... потом проклянулось у них сознание какое-то, книги стали сами выращивать... по буквам, как вы сказали.

– Откуда вы... знаете?

– А я и не знал.

– Не понимаю.

– До сегодняшнего утра не знал. А сегодня слышу, кто-то в окно бьется.

– Книга?

– Ну... истрепанная такая, чуть живая. Ну как смог подлатал.

Учитель выкладывает на стол нечто, в чем я с трудом узнаю книгу.

– На пятой странице открой.

Боюсь прикоснуться, боюсь разрушить искаленную книжицу. Наконец, открываю, начинаю читать.

– Ночь выдалась безлунная, прекрасная ночь для побега. Я знал, что в половине первого меняется караул, и в это время у западной башни никого не было. Высота от окна...

Хватит, хватит.

Вздрагиваю. Вот это хуже нет, когда от книги отрывают, как будто обухом по голове, ей-богу...

– Ничего не заметил?

– М-м-м... сбежать кто-то хочет. То ли из замка, то ли из крепости...

– А еще?

– Караул... в полночь... н-нет, в полпервого.

– Молодой челове-ек. Я о вас лучшего мнения был. Неужели ничего не просекли?

Хлопаю себя по лбу.

– Ночь. Безлунная. А чего там, в книжке с луной случилось, что ночь безлунная стала?

– То-то и оно... быть такого не может, чтобы ночь безлунная. Здесь не может. А астрономию земного мира учили?

На пятом курсе только учить будем.

– А-а-а, а до пятого курса знать не положено, да? Что теперь, будем до пенсии про Колобка читать? Так вот, молодой человек, вот там луна вокруг Земли вращается. Заумно как-то хитромудро вращается... что ночи безлунные бывают.

– Это книга... про Землю?

– Выше берите, молодой человек. Никто не может так живо написать про землю. Это самому на земле жить надо, чтобы прочувствовать.

– Хотите сказать...

Многозначительный взгляд.

– Да.

Книга легонько отстраняется от меня, боится.

– Вы на практику-то куда планируете?

– Да куда скажут.

– Так ко мне давайте.

– А делать что?

– Надо нам экспедицию снарядить. На старую Землю.

– А... дорогу как узнаем?

– Книга покажет. Починим, подлечим её, полетит.

Да и древние там шли, не могли ничего не оставить. Зарубки какие-нибудь... знаки...

– Думаете, за лето успеем? Древние-то много веков шли.

– А крылолётны на что?

– Да кто ж нам даст...

– Дадут. Костями ляжем, выпросим... еды с собой возьмем... книг...

Осторожно спрашиваю:

– А когда вы планируете выступить в путь?

Снова мир уходит из-под ног, когда слышу:

– Завтра.

Я накрыл платком волшебный фонарь, живые картины на стене спальни погасли – я снова и снова пересматривал дешёвенький спектакль незнамо каких годов – и все больше убеждался, что в буйной фантазии режиссера есть доля правды. Дальнейших ход сюжета мне не нравился, – уж слишком нереальными и фантастичными были выдумки режиссера про какие-то «двигатели», которые работающие на черной маслянистой гадости и «двигали» странные неживые экипажи, про «иликтроны», приводящие в действие слож-

ные устройства, про «атом», в котором будто бы содержится огромная сила, способная уничтожить весь мир.

И, тем не менее, в тот вечер я смотрел и пересматривал начало этого спектакля – спектакля, на который раньше никогда не обращал внимания. Я представлял себя на месте отважных путников – но представление получалось какое-то расплывчатое, я и подумать не мог, что сам отправлюсь в неведомые земли.

В какие-то минуты я был близок к мысли, чтобы отказаться от своей безумной затеи. Но потом я смотрел на книгу, и чем больше смотрел, тем больше понимал – надо отправляться в путь.

Когда я наутро отправился в академию, я уже несколько не сомневался в успехе: мое руководство отличалось редкой щедростью, начальник мог выделить мне средства на путешествие хоть на край земли. Каково же было мое удивление, когда в ответ на мою просьбу оплатить мне путешествие, шеф отрицательно покачал головой.

– Это безумие, Тим, – ответил он.

– Можете не сомневаться, я буду предельно осторожен в пути.

– Нет, Тим. Вы меня не поняли. Я очень высокого мнения о вашей проницательности, но боюсь, на этот раз вы зашли в тупик.

– Простите?

– Мне очень жаль, Тим. Вы ошиблись, и очень грубо.

Там ничего нет. На землях, покинутых людьми, ничего нет.

– Но книга сказала мне, что...

– Я должен конфисковать у вас книгу.

Мне показалось, что я ослышался.

– На... на каком основании?

– Тим, вы молоды и наивны. Вы привыкли, что книга – это что-то доброе, хорошее, светлое. Однако, существуют совсем другие книги...

Меня передернуло.

– Я еще достаточно хорошо помню школьный курс.

– Очень рад за вас. Так почему же вы не можете отличить хорошую книгу от плохой?

– Потому что... потому что это хорошая книга.

Мой начальник вздрогнул.

– Вы читали её?

– Пару страниц.

– Почему... почему вы считаете её хорошей?

Я молчал. Я не знал, почему. Я понял, что есть вещи, которые нельзя объяснить словами. Например, книга... книга, которая была хорошей. Потому что... просто... потому что...

– Она хорошая. Потому что... Потому что она книга...

Мой шеф хотел что-то возразить мне – но в комнату влетел сложенный листок, тревожно заметался над головой начальника. Последний бережно развернул записку, пробежал глазами, пробормотал про себя, будто отвечая письму:

– Да, сию минуту. Да, он здесь. В Академии. Подождите меня здесь, Тим.

Мой начальник вышел. Я начал мысленно перебирать доводы, которые могли бы убедить моего шефа выдать мне деньги. Однако, книга не дала мне ничего придумать – она отчаянно захлопала страницами, приглашая меня покинуть комнату.

Я пошел за ней – это было почти безумием, но я пошел за ней. Книга вывела меня на улицу и оставила на площадке, где обычно ждали экипажей. Я попытался урезонить книгу, объяснить ей, что с начальником можно договориться, не сейчас, так потом, нельзя так все бросить и уйти – но книга жестом приказала мне молчать. Все прояснилось, когда я услышал шаги за углом, и голос моего шефа.

– Да, он только что был здесь... вы говорите, преступление? В жизни бы не подумал, с виду честнейший человек...

Я осторожно заглянул за угол – мне довелось увидеть немного, но и того, что я увидел, было достаточно. Человека, стоящего рядом с шефом, я узнал не сразу – а когда узнал, по спине пробежал холодок. Опального Пардуса я увидеть не ожидал – его прогнали из Академии еще в прошлом году, ходили слухи, что он поссорился с самим Магистром. Но Пардус вовсе не выглядел опальным или изгнанным – мой шеф, почтенный декан Академии, склонился перед Пардусом, двое полицейских стояли перед ним навытяжку.

На мое счастье подъехал экипаж – в ту же секунду я уже

был внутри, и велел экипажу ехать... гхм... куда укажет книга. Каково же было мое изумление, когда книга указала ехать... в крылолётню.

Да-да.

В крылолётню.

– Послушай, но... – я попытался урезонить книгу, – у меня нет денег, чтобы нанять крылолёт. Это... это очень дорого.

Книга бросилась мне на грудь, хлопала страницами, как будто кричала во все горло – сделай же, сделай же хоть что-нибудь.

– А что я могу сделать? Уж не хочешь ли ты, чтобы я продал дом?

Книга завертелась в воздухе, как будто кивала головой.

– Но... это безумие.

Книга не хотела меня слушать. Она снова и снова бросалась мне на грудь. А когда книга попросила экипаж не ехать сразу в крылолентню, а поплутать по улицам, мне стало страшно.

Я приостановил экипаж и заглянул в окошечко ломбарда. Думая про себя, что я делаю.

– День добрый. Я... хотел бы продать свой дом.

– Когда вы планируете это сделать? – спросила толстая тетрадь на столе.

– Прямо сейчас.

– Простите?

– Прямо сейчас. Сию минуту. Мне нужны деньги.

Казалось, что приходно-расходная тетрадь в ломбарде подавилась собственным голосом.

– М-м-м... с какой целью вы собираетесь использовать полученную сумму?

Я почувствовал, что заливаюсь краской. В моей честности еще никто никогда не сомневался.

– Мне нужны деньги на экспедицию... в дальние края.

– Хорошо, сейчас мы оформим вам заявку... сию минуту...

Задним числом я подумал, что нужно было что-нибудь сокрушить – но я абсолютно не знал, что именно. Чуть погодя из окошечка появилась квитанция, что мой запрос обработан, и на мой счет поступила...

Мне стало не по себе. Никогда в жизни я не держал в руках такой суммы. Я вспомнил, что это все, что у меня есть – и мне стало еще страшнее.

– Что мы делаем? – спросил я книгу, – что мы с тобой делаем?

Книга бросилась ко мне и обняла меня страницами...

Крылолётня находилась в ста мильмортах от Таймбурга, рядом с ней не было ничего, что могло бы привлечь мое внимание. Несколько раз в юности я обещал себе как-нибудь съездить и посмотреть крылолётню – но чем дальше, тем больше понимал, что мои планы так и останутся несбы-

точными. Мог ли я подумать неделю назад, что совсем скоро судьба занесет меня в обиталище крылолётов – не каких-нибудь мелких крылаток, а настоящих крылолётов, способных преодолевать огромные расстояния.

Мне пришлось встать рано утром – впервые за много лет. Я нанял экипаж – в такое время почти все экипажи были свободны, стояли на площади и нетерпеливо покачивались на рессорах. Экипаж оказался сговорчивым и без проблем согласился довезти меня до крылолётни. Почему-то я спрята́л книгу за пазуху – мне не хотелось, чтобы посторонние видели мою ношу.

Несколько раз в дороге я спросил себя, что я делаю, и куда я направляюсь. Как будто мне больше нечем заняться, кроме как тратить личные сбережения на сомнительные путешествия. Да и чем дальше, тем больше мне казалось, что книжица вовсе не из каких-то иных миров, а из какой-нибудь маленькой захолустной страны, которую забыли нанести на карту. И хороших книг в этой стране не водится по причине её глубокой отсталости – так что я только зря потрачу свое время и деньги. Когда экипаж скрипучим голосом возвестил, что мы прибыли в крылолётню, я был близок к тому, чтобы отказаться от своей затеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.